

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

В НОМЕРЕ:

Образ коммуниста в литературе

Курс — на духовную унификацию
(О политике маоистов в области
литературы и искусства)

К 30-летию освобождения Болгарии:
выступления болгарских писателей

О записных книжках Чехова

Из литературного наследия
А. Серафимовича и А. Бека

Письма Томаса Манна

Панорама зарубежной критики

В шутку и всерьез

тии, — это такое отражение нашей социалистической современности в литературе и искусстве, при котором современный человек, творец новой жизни, станет их главным героем. Правильное понимание духа рево-

люционных сентябрьских традиций обязывает творцов болгарской культуры как наследников «сентябрийцев» откликнуться на веление времени, создать «искусство, принадлежащее народу»,

Г. К.

В ПОИСКАХ МЕТОДОЛОГИИ

В финских журналах последнего времени нередко можно встретить мысль, что 60-е годы были для финского литературоведения совершенно необычным десятилетием. Полушутя-полусерьезно говорят даже, что для литературоведов наступил «золотой век», пора возможностей и свершений. При этом имеется в виду прежде всего редкостная урожайность миновавшего десятилетия на многотомные капитальные издания.

Вслед за четырехтомной «Всемирной литературой» (1963—1965) вышла восьмитомная «Финская литература» (1963—1970); одновременно на финском, шведском и немецком языках был издан обобщающий труд К. Лайтинена «Финская литература 1917—1967 гг.»; продолжается издание трехтомной «Шведской литературы в Финляндии». Параллельно с этим осуществлялись капитальные антологические издания: восьмитомная «Антология литературы Финляндии» (с 1963 года вышло шесть томов) и двадцатичетырехтомное «Финское

слово» (1963—1967) — своеобразный свод литературных памятников в более широком смысле, не только художественных, но и мемуарных, исторических и т. д. Кроме того, появились антология критики, антологии современной поэзии (финской и шведской), а также и некоторые другие сводные издания.

Ничего похожего на это обилие многотомных публикаций прежде финское литературоведение не знало. Да и профессиональных литературоведов и критиков еще лет двадцать — тридцать тому назад в Финляндии было сравнительно немного. Литературоведением занимались в университетах, которых тогда имелось лишь два — в Хельсинки и Турку. Литературоведческие книги выходили не часто, а общие работы по истории национальной литературы и того реже.

С тех пор изменения произошли весьма заметные. Гораздо больше стало в Финляндии специалистов, больше появляется изданий. В ряде финских

городов (в Тампере, Оулу, Ювяскюля, Йозенсу) возникли новые университеты, филологическое образование стало более распространенным. Для активизации литературоведческих работ при университетах созданы особые исследовательские центры; появилось также значительное число «свободных критиков», не обязательно связанных с университетами, но сотрудничающих в журналах, газетах, издательствах, на радио и телевидении. Да и тот факт, что к подготовке восьмитомной «Финской литературы» удалось привлечь свыше семидесяти литературоведов и критиков, является весьма показательным с точки зрения возросших возможностей финской филологии.

В связи с выходом восьмитомной «Финской литературы» в финских журналах было немало критических суждений как по поводу методологических принципов этого издания, так и о состоянии финского академического литературоведения в целом. Одним из самых серьезных и во многом справедливых упреков, адресованных критикой авторам восьмитомника, является упрек в недостатке историзма. Некоторые рецензенты даже считают, что это «вовсе не история литературы», а скорее собрание в хронологическом порядке расположенных этюдов о творчестве отдельных писателей, к

тому же слишком произвольно отобранных.

Конечно, определенный минимум исторических сведений в томах присутствует. Есть краткие вводные разделы о литературных периодах, направлениях, группах, есть попытки охарактеризовать общественную атмосферу, преобладающие идеи, влияния и т. д. Такие минимальные выходы в идеологию, социологию, политику, в «жизнь» необходимы, но недостаточны в подобного рода трудах.

Применительно к историко-литературным работам от чисто «имманентной» точки зрения обычно отходят и те исследователи, чьей сильной стороной отнюдь не является социология литературы, выявление ее социально-исторической детерминированности. Например, один из старейших финских литературоведов, проф. Р. Коскимиес, рецензируя в свое время известную книгу американцев Р. Узлека и О. Уоррена «Теория литературы» и касаясь вопроса, следует ли историку литературы покидать чисто эстетическую сферу и контактировать с социологией, весьма решительно писал: «Коль скоро литература рассматривается как часть живой жизни общества, государства, нации, она по необходимости должна находить контакты с соответствующими сферами знания. История литературы всегда есть

род истории (общества), отсюда и точки соприкосновения в методах». Впрочем, автор тут же, буквально несколькими строками ниже, ронял фразу, которая обнаруживала весьма ограниченное понимание историзма. Считая литературу «неким релевантным самопроявлением жизни», он добавлял: «Мы не знаем, что такое жизнь, но все же мы в состоянии удовлетворительно фиксировать различные ее формы, виды, удивительные ее феномены». Недвусмысленно агностическая точка зрения здесь в равной степени распространяется и на жизнь и на литературу, та и другая в своих сущностях непознаваемы, фиксации подлежат лишь отдельные феномены. В восьмитомнике это приводит к тому, что в разделах, которые написал Р. Коскимиес, нарушения исторического принципа ощутимы, пожалуй, острее, нежели у ряда других авторов этого коллективного труда.

Недостаточное внимание к историзму исследования может проявляться по-разному. Можно заметить, например, довольно странную аномалию: освещая историю отечественной литературы, предлагая читателю очерки истории финской критики и литературоведения, авторы восьмитомника тем не менее совершенно упускают из виду вопрос, когда же, собственно, в финской литературе

и критике начал зарождаться исторический взгляд на развитие искусства, историческое понимание литературного процесса. Этот вопрос обходится в главе о «туркуских романтиках» начала XIX века (хотя в особенности А.-И. Арвидсон давал повод для его постановки), и, что, пожалуй, еще более удивительно — он совершенно не затрагивается в небольшой главке о Ю.-В. Снельмане, философе, публицисте, литературном критике, виднейшем идеологе финского национального движения XIX века. А между тем идея историзма была основополагающей в мировоззрении Снельмана, без нее смысл его публицистической и литературно-критической деятельности, его огромного влияния на духовную жизнь Финляндии, особенно в 40—50-е годы XIX века, остается во многом не раскрытым, не выясненным.

В послевоенные годы наблюдался некоторый отход финских литературоведов от традиционных методов исследования — биографического, культурно-исторического, компаративного. На смену пришли различные модификации «нео-критики» и структурно-текстологического анализа с акцентом на имманентно-семантической специфике формы. Однако в последнее время, подчас в полемике с этими течениями, у ряда финских критиков и ли-

тературоведов, преимущественно молодого поколения, обнаруживается тяготение к социологическим методам исследования, в отдельных случаях также к марксистской социологии.

Время от времени в финском литературоведении появляются социологические исследования с акцентом на общественном содержании и общественной функции литературы. Трехтомный труд о направлении пролетарской литературы начала XX века опубликовал Р. Пальмгрен (1965—1966); в теоретической части рассматриваются общие проблемы генезиса и развития этого направления с привлечением материала не только финской, но и некоторых других литератур. Два последующих тома содержат детальный обзор творчества десятков рабочих авторов. Работы Р. Пальмгрена, исследователя-марксиста, являются итогом многолетних разысканий и восполняют давно образовавшийся и явно ощутимый в финском литературоведении пробел.

«Социально-конфликтный роман» — так называется вышедшее в 1971 году исследование П. Каркама. Избрав предметом анализа два десятка финских романов, написанных между 1885 и 1962 годами, автор стремится выявить специфическую для каждого произведения «социальную структуру» и про-

следить, как отразилось в романистике развитие финского общества. П. Каркама является также одним из авторов изданного в 1973 году школьного учебника литературы, в котором во главу угла выдвинут социологический принцип освещения литературного процесса.

Учебник издан в порядке эксперимента, и в предисловии авторы пишут, что в своем стремлении отойти от односторонности биографического метода они ставят в центр внимания не писательские индивидуальности и совокупность их творчества, а то, чтобы на наиболее характерных произведениях разных писателей показать отражение в литературе социальных процессов. Авторы убеждены, что особенно в учебных целях историю литературы полезно сблизить с общественными науками; ведь литературе тоже присуща социально-познавательная функция, она должна способствовать осмыслению действительности, ориентировать читателя. Сами по себе эти методологические принципы заслуживают внимания, хотя их воплощение в книге не всегда представляется удовлетворительным. Подчас изложение слишком эскизно, характеристики чрезмерно беглы и не вполне передают существенные стороны рассматриваемых художественных произведений.

Проблемы критики и литературоведения волнуют и самих писателей, причём немаловажное место в возникающих дискуссиях опять-таки занимает вопрос о соотношении критики и социологии. В 1973 году вышел сборник статей-выступлений, изданный объединением «пирккальских писателей» в финском городе Тампере. Объединение это существует уже около тридцати лет и является одной из наиболее примечательных писательских организаций в Финляндии. В настоящее время в него входит до восьмидесяти писателей, уроженцев Тампере и округа Пирккала,—отсюда название группы. Из известных имен можно упомянуть романистов Вейнэ Линна и Эйлу Пеннанен, поэта Вейнэ Кирстиня, ныне уже покойных Лаури Вейта и Алекса Матсона, сыгравших заметную роль в послевоенном развитии финской литературы. Вышедший сборник даёт представление о формах творческого общения писателей. Раз в месяц «пирккальские писатели» собираются на совместные собеседования, выступают с докладами, обмениваются мнениями; из материалов этих выступлений и возникла книга. Составители именуют ее антологией, не без основания полагая, что затронутые в статьях проблемы имеют отношение к финской литературе в целом, к тому, как отражается

в ней современное состояние финского общества.

Всего в книге двадцать три статьи, и для всех авторов литература является социальным фактором, хотя понимается это по-разному. Авторы разделяют существенные мировоззренческие различия, включая политические. Есть авторы либерально-прогрессистского направления, есть сторонники «глобального пессимизма», с точки зрения которых мир зашел в бесповоротный тупик; есть писатели-коммунисты, придерживающиеся марксистских взглядов на общественное развитие и соответственно на развитие литературы. Как справедливо пишет один из авторов Юсси Кюлятаску, при различии исходных позиций запутываются подчас, казалось бы, самоочевидные вещи. Часто говорят, например, что писатель должен быть честным, и это, конечно, верно. Но, добавляет автор, только тогда, собственно, и начинаются все проблемы, когда мы поинтересуемся, что же подразумевается под писательской честностью в каждом конкретном случае. «Финский буржуа, в былые десятилетия весьма сурово обходившийся с писателями,—замечает Ю. Кюлятаску,—теперь превратился в добродушного дедушку...» Современный капитализм, замечает автор, подтачиваемый смертельным недугом, вовсе не хочет, чтобы

«честно-правдивый портрет» писали с него самого. Этим, в частности, автор объясняет, почему буржуазия враждебна к реалистическому искусству. «Время, когда буржуазия подерживала реализм, окончательно миновало... И быстро растущий интерес художников к социализму есть не мода, а закономерный путь к реализму».

Интересна статья Вяйнэ Линна о литературной критике и ее социологических аспектах. Автор отмечает пестроту методов и теорий, которым следуют современные критики. Забота о «чистоте метода» нередко всецело определяет подход критика к литературному произведению. Сколько методов, столько и взглядов на одну и ту же вещь. Писателю, замечает Линна, подчас начинает казаться, что критиков гораздо меньше занимает само произведение, чем демонстрация правомерности той или иной литературно-критической теории. Линна вспоминает о «неокритике», распространившейся в Финляндии в 50-е годы; в качестве «имманентного» метода она требовала исходить исключительно только из «самого произведения», безотносительно к личности и биографии автора, к эпохе, социальной среде, идеологическим установкам творчества и т. д. Признавая за «неокритикой» определенные заслуги, Линна считает тем не менее, что разговоры о «чи-

стоте метода» в данном случае неоправданны и несостоятельны. Линна убежден, что любая критика в известном смысле социальна и идеологична, ибо ей никуда не уйти от общественных и идеологических пристрастий: так или иначе они все равно дадут о себе знать. Линна полагает, что связь того или иного литературно-критического метода с социально-идеологическими моментами может казаться довольно туманной и неясной лишь до тех пор, пока метод излагается на отвлеченно-теоретическом уровне. Но связь эта существенно проясняется в самой литературно-критической практике, когда теория прикладывается к злободневным художественным явлениям,— в этих случаях симпатии и антипатии бывают достаточно определенными. Сам Линна предпочитает честный социологизм критики стыдливой «асоциальности». Недаром, говорит он, «неокритика» с ее пренебрежением к социальным факторам очень скоро стала достоянием почти исключительно академических сфер, университетских кафедр, тогда как повседневная журнально-газетная критика проявляет к этим факторам обоснованный интерес. Линна исходит из того, что для критики полезно учитывать все, что помогает лучше понять произведение. Не прятаться от многосторонних факторов за «чи-

стоту метода», а взять от каждого метода полезные его стороны и стремиться к разумному их синтезу,— в этом, по

мнению Линна, наиболее плодотворный путь критики.

Э. КАРХУ

г. Петрозаводск

ПРОБЛЕМЫ АФРИКАНСКОЙ КРИТИКИ

«Африканский критик и народ как творец цивилизации» — такова была тема коллоквиума, который состоялся в прошлом году в столице Камеруна Яунде. Коллоквиум был организован Африканским обществом культуры и Камерунским университетом. В связи с этим событием журнал «Презанс Африкен» (орган Африканского общества культуры, 1973, № 88) опубликовал статью, в которой подводятся итоги прошедшего коллоквиума, определяются задачи современной африканской критики.

Проведение подобного коллоквиума, говорится в статье, диктовалось многими причинами, и в первую очередь потребностью развития собственно африканской критики, ясно ощущаемой необходимостью поделить уже накопленным опытом и извлечь уроки на будущее. К тому же есть и еще одно обстоятельство, сделавшее коллоквиум крайне насущным. Речь идет о проблемах устной африканской литературы. В связи с огромным интересом, который вызывает в настоящее время африканская устная литература в кругах аф-

риканистов, встает вопрос: какой же должна быть критика, изучающая эту устную литературу?...

В ходе работы коллоквиума была сделана попытка обсудить целый ряд проблем, стоящих перед африканской критикой. Были предложены конкретные пути преодоления препятствий политического, идеологического, технического характера, мешающих росту литературной критики.

По ряду пунктов участники совещания пришли к единодушному мнению. Так, например, была подчеркнута важность развития африканских языков как языков просвещения, литературного творчества и литературной критики. Эта точка зрения получила всеобщее одобрение. Комиссия, обсуждавшая проблему «Критика и средства общения», представила на одобрение участников резолюцию, которая дает глубокий анализ языковых проблем в Африке.

Участники совещания пришли к согласию также и в вопросе о критериях, которыми должна оперировать африканская литературная критика.